

Борис Геруа

ВОСПОМИНАНИЯ
О МОЕЙ
ЖИЗНИ

ЛЮДИ И КНИГИ
Санкт-Петербург

Борис Владимирович Геруа

В ШТАБЕ ЮГО-ЗАПАДНОГО ФРОНТА

Вернуться к штабной службе мне пришлось гораздо скорее, чем это можно было предполагать. Два с половиною года в Академии перед войной 1914 года представляли короткий срок ученой деятельности, едва достаточный, чтобы погрузиться в нее как следует. Я только-только начал входить во вкус научных занятий и складывал в своей голове план следующего печатного труда, уже намечавшегося моими лекциями по тактике пехоты. Было жаль прервать эту работу; быть может, навсегда расстаться с ней. С другой стороны, обстановка в Академии с начала 1914 года резко изменилась, как я рассказал об этом раньше. Над Академией уже грянул один гром, но грозовая туча не рассеялась и было неизвестно, как, чем и когда она разразится. Весьма возможно, что мне захотелось бы покинуть Академию, даже если бы не случилось войны, решившей этот вопрос за меня.

Немедленно после ее объявления, как я уже говорил выше, начальник Академии князь Енгальчев собрал весь учебный состав и объявил нам о роспуске Академии. Слушатели должны были вернуться в свои части. Административный и учебный персонал получал свободу выбора – куда ехать.

Это решение относительно Военной Академии носило патриотический, но торопливый характер. Осенью 1916 года были вынуждены снова открыть Академию, так как обнаружился острый недостаток подготовленных офицеров Генерального штаба. По-видимому, никто не предвидел долгой войны. Генералов пришлось во второй раз назначать начальниками штабов дивизий – на полковничьи должности.

Но нам всем, учебному составу Академии, решение отправить нас на фронт было по душе, так как каждый желал принять активное участие в войне с противником, сразиться с которым Россия готовилась в течение десятилетий.

Я записался на Юго-Западный фронт и должен был через несколько дней ехать в хорошо знакомый мне Киев.

Мы с женой спешно ликвидировали свою маленькую квартиру в № 2 по Фурштатской улице, в доме Черепеникова, сделали необходимые для похода закупки, и я отправился в путь в воинском поезде с воинской платформы Варшавской железной дороги. Я получил отделение в вагоне второго класса, где в числе других офицеров ехал на юг муж Великой Княгини Ольги Александровны Куликовский.

Мой вестовой, данный от Академии, с легко запоминаемой фамилией Пушкин, погрузился с нашими лошадьми в товарный вагон в том же поезде.

Жена с детьми спустя некоторое время переехала из окрестностей Петергофа, где она жила на даче

(в имени Знаменка Великого Князя Петра Николаевича), в Кишинев, к брату Михаилу Эдуардовичу.

В Киеве я и Сергей Леонидович Марков, преподаватель Академии, ехавший со мной из Петербурга, застали штаб фронта в начале организации в помещении дома генерал-губернатора и Командующего войсками – генерал-адъютанта Иванова, теперь ставшего Главкомандующим. Начальником штаба у него был хорошо нам знакомый по ученическим годам в Академии бывший профессор Михаил Васильевич Алексеев.

Марков, как оказалось, был предназначен на должность начальника разведывательного отделения. Я – на должность начальника оперативного.

Но Марков вступил в исполнение своей должности, а я нет. На двадцать четыре часа раньше нас приехал из Главного Штаба полковник Павел Павлович Лебедев («рябой», по прозвищу) и был назначен начальником оперативного отделения. Мне объяснили эту перемену срочностью и моим опозданием.

Только одно отделение оставалось незамещенным: цензурное. По степени важности оно находилось на противоположном полюсе сравнительно с оперативным.

Но делать было нечего. Я вступил в управление этим отделением, в котором никого, кроме меня, не было.

Генерал-квартирмейстер генерал-майор Пустовойтенко, о котором я до того никогда не слышал и который до войны занимал должность начальника штаба пограничной стражи Киевского округа, предоставил мне самому найти себе помощников.

Я решил задачу просто: был конец июля, Киев был полон офицерами, призванными из запаса. В своих прапорщичьих погонах и новеньком снаряжении они тоскливо

слонялись по улицам, ожидая распоряжений от штаба тыла – куда им отправиться.

Идя из штаба фронта, по Липкам, в штаб тыла, помещавшийся в здании штаба округа, я встретил двух таких «прапоров». Один был высокий, полный, румяный, с добродушным выражением на круглом лице. Другой – плотный и короткий, с маленькими светлыми усами и острыми глазами. Оба мне «козырнули», а я остановил их.

Кто они и куда назначены?

Матвеев и Осипов. Не имеют пока никакого назначения.

Откуда и чем занимались?

Первый – бельевым делом в Москве. Второй – журналист и репортер из Петербурга.

Эврика! – сказал я себе. По меньшей мере один вполне подходит для цензурного отделения. Тут же я сделал Осипову предложение поступить в него моим помощником. Но как быть с Матвеевым? Симпатичная наружность; но в какой мере бельевая торговля готовит к цензуре?

Из моей заминки выручил меня Осипов.

– Я с удовольствием возьмусь за эту работу, но разрешите мне попросить вас взять на службу также и Матвеева. Мы с ним сдружились и хотели бы служить – где бы ни пришлось – вместе.

Мне нравилось лицо Матвеева и понравилась эта товарищеская просьба Осипова.

В какие-нибудь десять минут штаб тыла передал этих двух молодых людей в мое безоговорочное распоряжение.

На другой день я их представил начальству, и мы начали работу.

Круг обязанностей цензурного отделения по закону был весьма расплывчатым. Корреспонденция фактически прочитывалась войсковыми цензорами. Штаб фронта

лишь направляя их деятельность и решал спорные случаи. Мы должны были читать газеты – свои и иностранные, поскольку удавалось получать эти последние. Делать сводки и выборки из них. Иметь дело с корреспондентами и с иностранными военными агентами.

Все это казалось жидковатым, как бы лишенным какого-то основного стержня. Надо было выдумать этот стержень. И вот мы с Осиповым порешили приступить к изданию фронтовой газеты. Она должна была связать войска с тылом и Россией, давать ориентировку в общей политической и военной обстановке, рассказывать о подвигах наших войск и отдельных лиц, развлекать...

Доклад мой на эту тему получил полное одобрение М. В. Алексеева и его утверждение.

Так родился «Армейский Вестник».

Счастлирое событие это произошло в первых числах августа в Бердичеве, куда к этому времени штаб фронта перешел из Киева.

Как полагается, новорожденная газета появилась на свет в крошечном виде – это был небольшого формата лист в две страницы. Но росла она очень быстро. Увеличивался и формат, и число страниц.

Вначале я составлял номер целиком сам, но постепенно у меня появились сотрудники, не говоря уже о шустром Осипове, который с увлечением вошел в знакомую ему газетную игру – в новой для него военной форме.

Кроме налаживания корреспонденции «с мест», то есть из толщи войск и с боевых участков, надо было справиться с другим затруднением: своевременной и широкой доставкой газеты в войска. Прошло некоторое время, пока старшие штабы прониклись уважением к нашему органу печати и начали принимать меры к тому, чтобы «Армейский Вестник» попадал в полки и в окопы,

а не застревал на передаточных пунктах в тылах корпусов и дивизий.

Встретилось препятствие однажды и с печатанием. Газета печаталась в походной типографии штаба фронта. Штаб переехал из Бердичева в середине августа в Ровно, а затем, на время решительного Люблинского сражения, на станцию Луков, к югу от города Седлеца. Мы оказались близко к боевому фронту и потому большие тяжести оставили в более глубоком тылу – в том числе громоздкую типографскую машину. Казалось, придется приостановить выход газеты! Но, к счастью, шрифты можно было доставить, и предстояло только найти место печатания.

Я вспомнил о Седлеце, где, разумеется, была типография. Мы набирали газету в Лукове, а затем я садился в автомобиль и, бережно держа гранки на коленях, отправлялся в Седлец. Путешествие это, верст в тридцать, занимало всего около часа. Я прибывал под вечер, сдавал набор в типографию. Ночью происходило печатание, и рано утром я вез пачки газет, пахнувших свежей краской, обратно в Луков.

Кстати, о переходе штаба Юго-Западного фронта за его крайний правый фланг и в район тыла Люблинского сектора. Сделано это было намеренно, чтобы придать упорства 4-й армии, с трудом сдерживавшей превосходные силы австрийцев, и иметь возможность непосредственно влиять на ход боя, от которого зависел исход Галицийской операции.

Это приближение штаба фронта к войскам, дравшимся на решающем участке, было тем шагом, который следовало сделать Жилинскому на Северо-Западном фронте в начале августа, во время нашего наступления в Восточную Пруссию. Управляя издали, штаб этого фронта утратил связь с быстро развивавшимися событиями

и не мог внести никаких поправок в разнóбой и стратеги-ческий беспоря́док дейст́вий двух наших армий, которые в конце концов потерпели жестокое поражение. Армии эти не чувствовали чуткого управления св́ше, а штаб фронта не знал того, что происходило в армиях.

Близость штаба Юго-Западного фронта к Люблину позволяла Алексе́еву пристально следить за всем происходившим и вливать в войска уверенность, не мешаясь в мелочи исполнения.

В критические дни Люблинского сражения, когда в 4-й армии обнаружались признаки колебания, меня командировали в штаб армии для передачи инструкций и для получения личного впечатления об обстановке. Мне дали автомобиль и вооруженного «конвоира», не считая шофера.

Но когда я приехал в Люблин, положение на фронте упрочилось, и настроение в штабе армии казалось твердым. Я продолжал свой путь дальше, к полям, где только что разыгрались горячие схватки. Во время этой поездки мне удалось переночевать на биваке родного лейб-гвардии Егерского полка. Кажется, это было в день полкового праздника – 17 августа. Егеря оказали мне милое «полевое» гостеприимство и напоили меня чаем с вареньем! А на другое утро, следуя дальше на юг, я встретил походную колонну другого гвардейского полка, пересекшего мне дорогу; остановившись на перекрестке, я пропустил таким образом этот полк мимо себя, отдав честь знамени и козыряя офицерам, из которых многих знал.

Это были измайловцы! Не могло прийти в голову, что через какие-нибудь девять месяцев я сам буду вести походную колонну этого полка.

Из мест, в которых я побывал во время этой поездки, запомнилось особенно поле боя у деревни Красник, где

еще были живы следы недавнего сражения. Здесь нашим артиллерийским огнем была уничтожена австрийская батарея, и трупы лошадей в трагических позах, с торчащими сверху застывшими ногами, лежали по обе стороны дороги.

После победоносного разрешения Люблинского кризиса штаб наш перешел в город Холм, ближе к середине фронта.

Поместились мы в просторном здании мужской гимназии. Отсюда в начале сентября Алексеев и Пустовойтенко отправили меня сопровождать японского майора Генерального штаба (что-то вроде Никишима), нашего союзника, по галицийским полям сражений.

Поездка эта, как мы увидим, совершенно неожиданно оказалась важной и существенной лично для меня.

Мы побывали во Львове, где провели несколько дней; представились русскому генерал-губернатору Галиции графу Бобринскому во дворце, увешанном портретами Габсбургов и теперь населенном адъютантами новой власти, разными новоиспеченными чинами по управлению краем. Повидали поле сражения 8-й армии у Городка и по реке Вережице. Проехали через всю Восточную Галицию к реке Сан по дорогам, по обе стороны которых печальными шпалерами были выстроены в большем или меньшем живописном беспорядке бесчисленные трофеи: австрийские пушки, зарядные ящики, всевозможные обозные повозки.

Мой японец желал закончить свое путешествие в 3-й армии, в штаб которой мы и направились. Он был расположен в городе Ярославе на реке Сан.

Командующий армией болгарин Радко-Дмитриев, два года перед тем познакомившийся со мной в Петербурге, узнал меня и после одного из общих обедов в столовой штаба спросил, в чем заключается моя служба на войне.

Я сказал, прибавив, что мне, как профессору тактики пехоты, следовало бы практически прикоснуться к этой тактике.

– Не пожелаете ли вы принять полк у меня в армии? – спросил меня Радко-Дмитриев. Я, конечно, ответил утвердительно и с энтузиазмом.

– Я непременно скажу об этом дежурному генералу, – сказал командующий армией, – а вы, со своей стороны, тоже передайте ему от моего имени, чтобы вас занесли в кандидатский список.

Дежурный генерал, еще не произведенный в этот чин полковник Шиллинг, оказался знакомым по моей службе в Киеве. Это был гвардейский офицер (кажется, лейб-гвардии Финляндского полка), очень симпатичный и доброжелательный. Он с охотой записал меня кандидатом командующего армией «вне очереди» и обещал проследить за тем, чтобы назначение не затянулось.

Через день-другой я, расставшись со своим косоглазым компаньоном, зашел к Радко-Дмитриеву откланяться перед отъездом в штаб фронта. Я еще раз поблагодарил его за внимание и доверие, а генерал выразил надежду скоро увидеть меня в своей армии.

Как ни благоприятно, казалось, складывалось это непредвиденное приглашение, я все же не слишком верил в его осуществимость; поэтому по возвращении в штаб и к своей цензуре не только не поделился ни с кем своими надеждами, но и сам почти забыл о них.

Тем больше я обрадовался и взволновался, когда через какую-нибудь неделю меня разбудили ночью и передали телеграмму командующего 3-й армией с запросом к командованию 123-м пехотным Козловским полком. Такой же запрос обо мне получил, конечно, и Главнокомандующий фронтом.

Решение зависело теперь всецело от генералов Иванова и Алексеева. По старшинству я еще был очень далек от кандидатуры на полк (всего два с половиной года в чине полковника). При своем назначении я опережал многих старших по Генеральному штабу и всех своих сверстников.

К счастью, ни старик-артиллерист Иванов, ни понимавший мои побуждения Алексеев не были формалистами. Выражаясь принятым у нас официальным языком, «препятствий к назначению» не последовало, а добродушный Иванов даже почти благословил меня на эту измену штабному стулу.

Будь я начальником оперативного отделения, ничего этого не произошло бы прежде всего потому, что мне не пришлось бы захватить в качестве туриста в штаб 3-й армии; а во-вторых, потому что, случись такое предложение, меня не отпустили бы.

Заместить начальника цензурного отделения – последнюю спицу в колеснице генерал-квартирмейстерской части – не представляло затруднений. Само отделение прочно встало на ноги. Оставалось поддерживать и развивать заведенную рутину.

Мой штат расширился. В качестве помощника я получил офицера Генерального штаба, причисленного к нему ротмистра лейб-гвардии Гродненского полка Добржиаловского, хорошо и быстро вошедшего в курс дела. Кроме этого маленького гусара, у нас появился еще переводчик, сапер, по происхождению чех, фамилию которого я забыл.

«Армейский Вестник» приобрел внешний вид настоящей газеты и известность.

Торопливо собрался я в дорогу, точно опасаясь – не раздумали бы! Сослуживцы проводили меня милым обедом в скромной интимной обстановке и добрыми пожеланиями;

а мои бывшие подчиненные еще и обдуманном подарком, глубоко меня тронувшим.

Это был бювар формата первого номера «Армейского Вестника» с серебряной верхней доской, на которой была воспроизведена гравировкой заглавная часть газеты и на месте текста – факсимиле подписей моих сотрудников и дружеская надпись.

Как они умудрились соорудить этот художественный предмет в захолустном Холме – и в такой короткий срок, – не знаю.

Впоследствии, где бы я ни был на фронте, я аккуратно получал «Армейский Вестник» в конвертах, на которых был типографским способом напечатан мой адрес. А в первую годовщину со дня рождения газеты редакция прислала мне сердечное приветствие.

К этому времени редакция разрослась; во главе ее был поставлен известный писатель Родионов (автор нашумевшего обличительного романа «Наше преступление»); по виду и формату она ничем не уступала любой газете.

Во время моего двухмесячного пребывания в штабе Юго-Западного фронта, с конца июля по, примерно, 20 сентября, я имел возможность наблюдать стратегическую работу штаба под руководством лучшего у нас мастера этого дела – М. В. Алексева.

Организовал он ее, однако, по-своему, отделив творческую часть работы от исполнительной. Для первой он привлек двух своих чинов «для поручений» – генерала В. Борисова и полковника М. Дитерихса. С их помощью Алексеев принимал в своем кабинете решения и их разрабатывал. В готовом виде, часто написанные четкою рукою самого Алексева (напоминавшею почерк Милютина), эти распоряжения передавались генерал-квартирмейстеру

Пустовойтенко или, через его голову, оперативному отделению. Последнему оставалось только исполнить: то есть переписать, иногда что-нибудь прибавить, дать справку, резюмировать, разослать. Роль ответственного органа управления, таким образом, сводилась почти к автоматической работе. Недостатка в работе, разумеется, не было; требовалось быть в курсе обстановки во всех мельчайших подробностях; требовались точность, быстрота, налаженность. Но творчества не требовалось. Оно исходило из таинственного кабинета Алексеева.

При этих условиях значение генерал-квартирмейстера в оперативной работе сводилось к нулю. Алексеев не включил Пустовойтенко в созданную им стратегическую тройку. Иногда он присутствовал на совещаниях, но для всех было очевидно, что в его советах не нуждались.

Он представлял резкий контраст с серьезными и озабоченными Борисовым и Дитерихсом. Моложавый, с хорошей талией и довольно красивым лицом, со своей холеной черной бородкой и тщательно причесанными «на пробор», начинающими сесть волосами, всегда щеголевато одетый, любивший бросить на себя взгляд в зеркало – Пустовойтенко и внешностью подчеркивал эту разницу – в особенности в отношении Борисова, неряшливого, не следившего за своей бородой и чистотой ногтей и сапог.

Приближение Алексеевым Борисова и Дитерихса объяснялось тем, что с первым он был дружен давно; знал его философско-стратегические наклонности и ценил его военно-научные труды, хотя склонные к отвлеченности и к доктринерству (Борисов особенно занимался Наполеоном); второго Алексеев помнил по Академии и потом имел случай убедиться еще раз в чрезвычайной серьезности этого молодого офицера Генерального штаба.

Но из этих двух помощников главным советчиком был доктринер Борисов, имевший, кроме своей глубокой теоретической подготовки, еще и опыт заведования оперативным отделом Главного Управления Генерального штаба по должности первого обер-квартирмейстера при Палицыне.

Не раз, входя по какому-нибудь делу к Алексееву, я заставал его и Борисова склонившимися над огромной картой, разложенной на специально устроенном столе. Они разговаривали тихими голосами, как заговорщики, и не сразу замечали вошедшего.

Когда через год Алексей сделался начальником штаба Верховного Главнокомандующего у Государя, он взял с собою в Ставку и своего нештатного товарища – стратега, нахмуренного Борисова, и штабного генерал-квартирмейстера, беззаботного Пустовойтенко.

Положение в Ставке изменилось: при Великом Князе Николае Николаевиче начальник штаба Янушкевич был ничем, а генерал-квартирмейстер Юрий Данилов – главной оперативной пружиной. Теперь стало наоборот.

Время моего пребывания в штабе Юго-Западного фронта было временем крупного проигрыша нами сражения на Северо-Западном фронте, в Восточной Пруссии (благодаря которому, однако, французы и англичане справились с немцами под Парижем), и блистательной Галицийской операции нашего фронта.

К первому стратегическому эпизоду относится воспоминание о приезде в Ровно, на свидание с Ивановым и Алексеевым, Великого Князя Николая Николаевича. Произошло это 4 августа старого стиля, на другой день после первого заметного боя на нашем фронте, когда австрийская кавалерия атаковала Владимир-Вольнск и была отбита нашим пехотным Бородинским полком.

Это был восемнадцатый день нашей мобилизации. Считалось, что мы можем, с некоторой натяжкой, перейти в общее наступление на двадцать восьмой день. Об этом знали, конечно, наши союзники – французы. Но в первых числах августа определилось сильное давление немцев в обход левого крыла французов и англичан через Бельгию, и французские представители в Ставке торопили ее с началом наступления, чтобы оттянуть на русский фронт внимание и силы немцев.

Как кажется, целью приезда Великого Князя в Ровно было желание услышать лично от Иванова-Алексеева (так и следовало видеть их под этой двойной фамилией) согласие на начало наступления десятью днями раньше. Мы все, чины штаба, встречали поезд Верховного Главнокомандующего на станции Ровно. После совещания, состоявшегося в вагоне Великого Князя, ему и приехавшим с ним чинам был предложен завтрак на вокзале.

К этому времени мы все уже знали, что желаемое союзниками решение состоялось, и отдается приказ о немедленном переходе границы и атаке неприятеля.

Надо было видеть восторженное волнение во время завтрака французских военных агентов, не чувствовавших под собою ног от сообщенного им известия. Тогда они были благодарны! После войны о России, начавшей в тот памятный день длинную серию тяжелых самопожертвований на пользу общего союзного дела, выбитой затем из колеи этими жертвами, забыли в порядке общечеловеческой забывчивости о благодеяниях (вспомним еще раз Болгарию и Черногорию).

Но 4 августа 1914 года было другое дело. Сиял от принятого решения сам Великий Князь. Сияли и сгруппировавшиеся около его высокой, господствовавшей надо всеми фигуры офицеры во французских и английских формах.

КОНЕЦ ОЗНАКОМИТЕЛЬНОГО ФРАГМЕНТА